

Буланкин Даниил Алексеевич
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
d.bulankin2014@yandex.ru

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ОБРАЗЫ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОВЕСТИ В. СОРОКИНА «ДЕНЬ ОПРИЧНИКА»

В современной российской литературе возрастает интерес к изображению Востока. На материале повести В. Сорокина «День опричника» с статье анализируются особенности использования в постмодернистской литературе образов китайской культуры, а также жанров и стилей, характерных для древнерусской словесности.

Ключевые слова: Сорокин, День опричника, постмодернизм, Китай, китайская культура, древнерусская литература, синкретизм, пародия.

В последние десятилетия в современной российской литературе возрос интерес как к изображению традиций и уклада жизни наших далёких предков, так и к использованию разнообразных восточных традиций. Современные писатели, – такие, как А. Архипов («Ветлужская правда»), А. Мазин («Варяг»), Е. Водолазкин («Лавр») и др. – изображают картину жизни древних славян. В то же время существуют писатели, обращающиеся к воспроизведению картины жизни Древнего Китая, и – в том или ином виде – описывающими культуру этой страны.

К числу таких писателей относится, например, Владимир Сорокин, который в своих произведениях неоднократно упоминает Китай и использует образы и мотивы китайской культуры («День опричника», «Голубое сало», «Теллурия»). Подобного типа приёмы особенно часто применяют писатели-постмодернисты, поскольку они соответствует основным принципам постмодернизма, – *пародийности* и *эпатажности* (использования необычного сочетания стереотипов поведения), использования литературных аллюзий и штампов.

В произведениях В. Сорокин нередко описываются отношения России и Китая, и эти отношения всегда хорошие, поскольку писатель видит пользу от экономического союза двух стран. Россия будущего дружит именно с Китаем, в то время как с Западом она находится в весьма «натянутых» отношениях. В романе «Голубое сало», например,

описывается «возрождение» Китайской стены, а в «Дне опричника» упоминается уже «Великая Русская стена», которая отгораживает Россию и от «варваров»: проживающих в Европе и Америке. Отгородившись «Великой стеной» от Европы, Россия прячется от большей части развитого мира.

В произведениях В. Сорокина довольно часто используются мотивы китайской культуры. В качестве примера произведения такого типа может служить повесть В. Сорокина «День опричника», в которой писатель, с одной стороны, обращается к некоторым принципам древнерусской словесности, а с другой стороны, – к китайской культуре, особенности отсылок к которой мы рассматриваем в данной статье.

В повести «День опричника» Китай показан современной страной, технически и экономически развитой. Россия же, наоборот, ничего не производит сама, а запасы газа, за счёт которых она живёт, заканчиваются. Китай снабжает Россию автомобилями, самолётами, мебелью; через Россию проходит торговый путь в Европу, который позволяет «опричникам» и таможенникам наживаться на поставках китайских товаров. В повести постоянно упоминаются многочисленные предметы китайского происхождения – вазы, халаты и другие предметы повседневного обихода.

Художественные принципы древнерусской литературы отражаются в повести «День опричника» словно в кривом зеркале. Одной из первых сцен повести является расправа опричников над «столбовым» боярином. Описание кулачного боя Погоды со скотником из челяди опального аристократа, являющееся аллюзией на поединок Пересвета и Челубея, использует отдельные приёмы, характерные для жанра *воинской повести*.

Выбор писателем жанра *повести* не случаен: в XVI веке (время, с которым соотнесён сюжет) активно развивалась «дидактическая», т. е. «поучительная» повесть, призванная показать читателям идеал для подражания. В. Сорокин ставит перед своим произведением аналогичную цель, однако, если древнерусские писатели показывали своим читателем живой пример того, *как надо* себя вести в тех или иных ситуациях (жизнь Петра и Февронии Муромских является эталоном супружества), то автор «Дня опричника» идёт «от обратного», показывая то, как на самом деле *не нужно* поступать человеку.

В произведении В. Сорокина используются традиционные композиционные приёмы (описывается то, что было «до», «во время» и «после» «военного события»); во-вторых, передаётся характерный для воинской повести «патриотический пафос», выраженный в мыслях главного героя – Андрея Комяги: «И одеты они по-разному, и в положениях

разных, и господам разным служат, а коль приглядеться – из одного русского теста слеплены, русские люди, решительные» [Сорокин 2006: 7].

Существенно изменился сложный образ древнерусского воина, включавший в качестве основных черт «святость» и «мужественную доблесть»: «герои», «стоящие насмерть» с древоколем в руках против огнемётов, сразу же после поражения спешат награбить из барского дома побольше вещей (что противоречит одной из основных идей древнерусской литературы – готовности пожертвовать всем «ради родины»).

Отличительной чертой повести времён Ивана IV является *историзм*, понимаемый как способность показать картину жизни людей в прошлом. В произведениях Древней Руси историзм представлен в «монументальном» варианте [Лихачёв 1987]: «Русский хронограф» и «Великие Минеи-четьи» охватывали большие периоды мировой истории, в то время, как в повести В. Сорокина, несмотря на взгляд, направленный «сквозь время» (одновременно и в прошлое, и в будущее), представлена история только одного дня.

Главный герой – Андрей Комяга – опричник, «почти воин», однако авторский акцент делается на том, что он один из немногих представителей власти, который имеет высшее *историческое* образование, наличие которого теоретически предполагает умение давать глубокий анализ прошлого; однако на самом деле герой не способен не только анализировать исторические процессы, но и размышлять самостоятельно. Повествование ведётся от его лица, и читателю в полной мере представлены мысли и чувства персонажа, представляющие набор стереотипов русской культуры о предполагаемом «процветании» российского государства. Мысли Комяги отрывочны и шаблонны: он то призывает «бить западных врагов», то размышляет о своей «любви к государю». Опричнику не хватает интеллекта, чтобы самому сформулировать «советы», – он выражает их в традиционной форме *поучения*. Речь главы опричников Бати о «христианской вере» также больше похожа на средневековое публицистическое произведение. Он способен рассуждать только на три «вечные» темы: «вера», «мать» и «государь», причём делает это только находясь в неадекватном состоянии. Размышления героя, «поучающие» окружающих, наполнены патриотическим пафосом в традициях жанра «поучения»: «Классика русская полезна для государства; А с таким народом, удовлетворённым, великие дела сотворить можно; Разбудил Государь в нас не только гордость за свою страну, но и сострадание к тяжкому прошлому её» [Сорокин 2006: 45, 35, 21].

Герои произведения – люди, попавшие во власть совершенно случайно, однако поверившие в своё «высшее предназначение». В своих поступках они исходят одновременно из двух противоположных систем

ценностей: одной – предназначенной для «народа» (и в ней они предстают как «высокодуховные» люди), и другой, – предназначенной для «своего круга» (и в этой системе они показываются как мелкими жулики, стремящиеся только к примитивному личным целям).

Всё, что делает или говорит Комяга, является пародией на поступки и слова героев-воинов древнерусской словесности о героической защите Родины от «супостатов», пламенной «вере в Царя и Отечество». Рассуждения главного героя о России и её судьбе выглядят наигранными, как пародия на высказывания известных литературных героев. В эпизоде отъезда из дома опричник и его слуги разыгрывают сцену проводов воина на битву, описания которых распространены в древнерусской батальной литературе: «Я крещусь, целую икону святого Георгия. Нянька сует мне в карман молитву “Живый в помощи Вышняго”, вышитую матушками Новодевичьего монастыря золотом на чёрной ленте. Без этой молитвы я на дела не езжу» [Сорокин 2006: 4]. Через подобный ритуал проходили многие герои русской литературы и истории: князь Игорь («Слово о полку Игореве»), Александр Невский, Дмитрий Донской. Согласно мнению А.Л. Фокеева, в древнерусской литературе воин должен следовать трём принципам (соответствующим православным нормам): любви к родине, святости и «светлости» жизни [Фокеев 2003], – однако в сознании Андрея Комяги они деформируются и своеобразно интерпретируются (герой, например, полагает, что одного похода в церковь достаточно, чтобы замолить все свои грехи).

Неотъемлемой частью воинской повести является наличие ярких женских образов, выражающих лирическое начало, выражающееся через обращение к фольклорным произведениям (например, к жанру плача) [Архангельская 2015]. Героини произведения В. Сорокина как бы лишаются собственного голоса. Беспокойство за судьбу мужа является основным настроением двух героинь повести – Анастасии и супруги арестованного дьяка Корякина, однако обе они в своих речах столь немногословны, что не оставляют в памяти читателя никакого впечатления (в отличие, например, от «плачущей» Ярославны): они не способны выражать в себе лучшие качества героинь древнерусской словесности – целомудрие и ум. Царица вроде бы образована и любит читать книги, однако она также «любит стрельцов» (намёк на царицу Софью), что ни для кого не является секретом. Нельзя назвать «мудрой» и «разборчивую» фаворитку царя Ульяну Козлову.

Анализируя взаимодействие повести В. Сорокина «День опричника» с древнерусской словесностью, можно сделать вывод о влиянии на это произведение жанра *хождения*. Опричник постоянно находится в дороге: он либо едет по Москве, либо летит в Тобол или Оренбург. Чем

дальше поездка – тем «сакральнее» делается её смысл. Оренбург – значимое для Андрея место (в этом городе проходило его обучение «мастерству» опричника); в Тоболе живёт ясновидящая Прасковья – единственная, кто может ответить на интересующий Комягу вопрос о будущем «новой России».

Переезды Комяги наполнены детальными описаниями дороги и пейзажей городов: «Тракт тянется через перелески, потом вползает в тайгу – Едем молча. Стоят кругом сосны, ёлки да лиственницы, снегом покрытые. Хорошо. Но солнышко уже к закату склонилось. Ещё часик – и стемнеет. Проехали вёрст десять. Сворачивает наш “Чжу-Ба-Цзе” на просёлочную дорогу заснеженную. Мой столичный “мерин” тут сразу сядет. А “кабану” хоть бы что – колеса полутора аршинные месят снег, как мясорубка. Прёт кабан китайский по русскому снегу» [Сорокин 2006: 43-44]. Эта особенность также идёт от жанра хождения (например, Афанасий Никитин в подробностях описывает своё путешествие, используя многочисленные детали).

Чертами фольклорного персонажа – бабы-яги – обладает предсказательница Прасковья Мамонтовна, к которой едет опричник (у неё обе ноги «костяные»). Прасковья использует заговоры, в которых пародийно воспроизводятся некоторые особенности соответствующих фольклорных текстов: «Молоко коровье поёт в изголовье: на сердце сяду, накоплю яду, разведу водой, накрою собой, помолюсь телёнку, моему ребёнку, от телёнка кости придут в гости, косточки белые, на шелопутство смелые, погремят, помрут, силу заберут» [Сорокин 2006: 46].

В. Сорокин обращается к устному народному творчеству и в других главах повести. Особую роль в жизни героя играют *песни*, – использованные, например, как способ «оформления» галлюцинации, возникшей у Комяги после приёма наркотика. По своему содержанию эта «песня» близка к былине и к сказке про Никиту Кожемяку (имеющей «былинные истоки»), потому что основной её темой является борьба «русских молодцов» с иностранными врагами однако вместо богатырей, сражающихся за Русскую землю, в ней описывается многоголовый змей, напоминающий былинного Змея Горыныча.

Сюжет сна довольно прост: змей о семи головах, каждая из которых относится к определённому опричнику, летит через море в Америку, чтобы чинить там расправу над врагами России. В песне используются приёмы, характерные для русского фольклора: устойчивые эпитеты («жёлты глазоньки»), инверсии («со хвостом тяжёлым» и «куда крылья нам лихие поворачивать» [Сорокин 2006: 30-31]). Последовательно (в соответствии с иерархией, принятой в среде опричников), описывается каждая из голов, а затем их путешествие. Используется и типичный

для фольклорной песни синтаксический приём – повторы («Полетим мы нынче да по небушку / Всё по небушку да по синему» [Сорокин 2006: 31], упоминания сакральных чисел десять и три (десять дней и десять ночей Змей летит, три дня и три ночи он отдыхает [Сорокин 2006: 31]). Враги описываются как «ненавистники» России и «истинной» православной веры: «Сатанинскими делами прикрываются. Все плюют они на Святую Русь, На Святую Русь на православную, Все глумятся они да над правдою, Все позорят они имя Божие» [Сорокин 2006: 31].

Используются в тексте песни и иные характерные для русского фольклора устойчивые выражения («мать-сыра земля», «море-окиян», «гладь-вода»), типичные формулы описания сцены боя между добром и злом, в которых побеждает русский герой. Но сам образ Змея, который в данном случае оказывается *положительным* персонажем, в фольклоре не встречается. Сначала Горыныч защищает «матушку-сыру землю» на нефтяной вышке, затем на корабле, везущем «сатанинские радости», и в результате спасает Русь от «тлетворного влияния безбожников с Запада». Наконец, Горыныч прилетает в американский город, но на этом видение обрывается, что позволяет читателю самому представить кровопролитную битву между змеем и врагами и предположить, что в итоге «герой» мог победить.

В. Сорокин делает внутритекстовую отсылку и к такому жанру народной культуры, как *лубочная картинка*. В повести мы можем увидеть параллели с историческими лубочными картинками и с так называемым «балагурником» (т. е. «потешным» лубком, содержащий сатиру, карикатуры, побаски). «Исторический» лубок в ярких красках показывает Москву будущего, которая оказывается похожей на Москву XVI–XVII вв.: «Белый Кремль», терема, лоточники...). Обращение к отдельным приёмам, характерным для «балагурника», можно обнаружить и в самой повести, – например, в пародийной сцене, изображающей оргию опричников в бане, интерпретируемую главным героем как «проявление братства»: «Мудро, ох мудро придумал Батя с гусеницей. До неё все по парам разбивались, отчего уже тень разброда опасного на опричину ложилась» [Сорокин 2006: 66].

Как мы уже отмечали, большую роль в повести играют отсылки к культуре Китая. Остановимся на некоторых из них. Джип, везущий главного героя повести – Комягу – к Прасковье Мамонтовне, называется «Чжу-Ба-Цзе». Автомобиль назван в честь персонажа романа У Ченьэнь «Путешествие на Запад» [У Ченьэнь 2015], который является получеловеком-полусвиньёй. Герои китайского классического романа встречаются Чжу Бацзе в деревушке Гаолаочжуан, которая, как сказано в книге, располагается на границе Китая и Тибета. Один из персонажей романа –

Царь обезьян Сунь Укун, узнает, что местный волшебник уже три года держит у себя похищенную дочь старосты деревни, считая её своей женой. Сунь Укун в поединке побеждает волшебника, после чего тот рассказывает другим героям свою историю. Он говорит, что его зовут Чжу Ганле и что он когда-то заслужил в царстве бессмертных и имел там почётное имя Чжу Люцзе и звание небесного маршала, однако на небесах он не смог удержаться от дурных земных привычек, например, пьянства. За свои выходки он был снова отправлен на Землю для нового перерождения, в результате чего стал человеком-свиньёй. Монах Сюаньцзан, которого сопровождает в путешествии за священными книгами Сунь Укун, даёт ему новое имя – Чжу Бацзе, и тот присоединяется к другим персонажам в их странствии. Чжу Бацзе, вооружённый магическими девятизубцовыми граблями, является комическим персонажем: он олицетворяет человеческие пороки – такие, как пьянство, лень, похоть, чревоугодие. Поступки Чжу Бацзе постоянно приводят к тому, что персонажи постоянно сталкиваются с новыми проблемами и приключениями. В конце романа Чжу Бацзе остаётся практически без награды, – несмотря на то, что проделал тот же путь, что и его спутники: он получает должность Чистильщика Алтарей в то время, как его попутчики становятся Буддами и Архатами.

Казалось бы, как может быть связан персонаж классического китайского романа и джип, на котором передвигается главный герой русской постмодернистской повести? Возможно, всё дело в том, что автомобиль везёт одного комического по сути персонажа к другому комическому персонажу – Прасковье Мамонтовне, «заговоры» которой представляют особым юмористический текстом, а описание машины намекает на персонажа, который сам похож на большого и толстого человека-свинью.

В. Сорокин использует разные жанры древнерусской словесности, – воинскую повесть, хождение и поучение, а также фольклор, что, в совокупности с архаичной лексикой, псевдопатриотическим пафосом придаёт повести неповторимую «историческую» окраску и народный колорит. Используемые в повести «День Опричника» древнерусские жанры искажаются как по форме, так и по использованной в них идее, что по сути превращает их в пародию на самих себя. То, что в древнерусской словесности было «монументальным» и «серьёзным», в повести В. Сорокина превращается в мелочное и смешное, отражаясь словно в «кривом зеркале».

Наоборот, образы и мотивы, связанные с китайской культурой, создают интересную «смесь» разнообразных культурных феноменов, отражающих «глобализированность» современного мира. Образы и мо-

тивы китайской культуры, лишены пародийного начала и воспроизводятся с заинтересованностью к этой стране и её будущим отношениям с Россией. Сравнения с «прогрессивным» восточным соседом указывают на недостатки и проблемы в жизни современной России.

Библиографический список

Архангельская А. В. Женщина в древнерусской литературе. Лекция от 26 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru> (дата обращения: 12.07.2017).

Лихачёв Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 3: Человек в литературе Древней Руси: монография. – М.: Художественная литература, 1987. – 414 с.

Собиянэк К. Прогнозирование будущего России в романе-антиутопии «День опричника» // Политическая лингвистика. – Вып. 4 (30). – Екатеринбург, 2009. – С. 133–137.

Сорокин В.Г. День опричника. – М.: Захаров, 2006. – 73 с.

Фокеев А.Л. Начало всех начал. По страницам литературной классики: учеб. пособие. – Саратов: Лицей, 2003. – 224 с.

У Чэньэнь. Путешествие на запад / пер. А. Рогачева. – СПб.: Наука, 2015. – 1056 + 1216 с. (2 книги).

D.A. Bulankin

Student of Philological Faculty
Perm State University

TRADITIONS OF OLD RUSSIAN LITERATURE AND IMAGES OF CHINESE CULTURE IN V. SOROKIN'S STORY «DAY OF THE OPRICHNIK»

In modern Russian literature, there is an increasing interest in the image of the East. Based on the material of V. Sorokin's Novella "Day of the Oprichnik", the article analyzes the features of the use of images of Chinese culture in postmodern literature, as well as genres and styles characteristic of old Russian literature.

Key words: Sorokin, Day of the Oprichnik, postmodernism, China, Chinese culture, old Russian literature, syncretism, parody.